

УДК 94(3)

**ЛАРИССА И ФИЛИПП V: К ВОПРОСУ О МАКЕДОНСКОМ КОНТРОЛЕ
НАД ФЕССАЛИЕЙ В КОНЦЕ III в. до н.э.**

© 2011 г.

Н.Ю. Сивкина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

balykina-m@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.02.2011

Анализируются взаимоотношения фессалийского города Лариссы и македонского царя в конце III в. до н.э. Комментируя два письма царя и декрет города, а также сопоставляя эпиграфический материал с данными литературных источников, автор приходит к выводу, что зависимость фессалийских городов от Македонии сохранялась в разных формах, но международная обстановка и договор Эллинской лиги 224 г. до н.э. ограничивали власть царя над фессалийскими полисами.

Ключевые слова: эллинизм, Филипп V Македонский, Фессалия, Ларисса, Эллинская лига, Антигон Досон.

Ларисса располагалась в Фессалии в области Пеласгиотида на реке Пеней. Эта территория примыкает к Нижней Македонии; лариссейцы обитали в самых плодородных частях равнины (Strabo. IX. 5. 19). Страбон также отмечал, что немногие города Фессалии «сохранили свое значение, которое они имели при предках, но более всех Ларисса» (Strabo. IX. 5. 3). Вероятно, близость к Македонии и удобная стратегическая позиция предопределили исключительное положение Лариссы среди других фессалийских городов [1, с. 306–309].

Источники свидетельствуют о тесных связях между македонскими царями и жителями Лариссы. Можно вспомнить о том, что Филипп II, чья матримониальная политика была направлена на закрепление договоров с соседями, имел одну из жен из Лариссы; она была матерью Филиппа Арридея, провозглашенного царем после смерти Александра Македонского (Just. IX. 8. 2; XIII. 2. 11). Знатный уроженец Лариссы, воин и литератор Медий [2, с. 111] был среди ближайших друзей Александра Македонского. Именно у Медия Александр пировал накануне своей болезни, приведшей к смерти царя (Arr. VII. 25; Plut. Alex. 75–76; Just. XII. 13. 7). Некий Торак из Лариссы был приближенным Антигона Одноглазого и единственным, кто остался подле тела павшего царя, когда все остальные разбежались (Plut. Demetr. 29). Династия Аргеадов в Македонии и клан Алевадов в Лариссе были связаны узами гостеприимства [1, с. 309–310]. Однако, поскольку часто в нашем распоряжении имеются лишь разрозненные факты и косвенные указания, представляется важным про-

анализировать взаимоотношения царя и лариссян в конце III в. до н.э., что позволит выяснить, в частности, особенности контроля Фессалии македонянами.

Еще при Филиппе II, после его победы в 352 г. до н.э. на Крокусовом поле, Фессалия «посредством личной унии, поскольку македонский царь стал пожизненным главой фессалийского союза (Diod. XVII. 4. 1; Just. XI. 3.2), вошла в состав Македонской державы» [3, с. 182]. Хотя Филипп II обладал военными силами, чтобы подчинить Фессалию, он предпочел получить политический контроль, используя законные источники власти [4, р.36; 2, с. 181–183]. Фессалийцам никто никогда не навязывал македонский язык. Согласно эпиграфическим данным, в фессалийские города никогда не назначались царские эпистаты. Филипп не запрещал местные чеканки и не предъявлял непомерных требований при сборе войска [1, с. 317]. Иными словами, македонская власть во всех отношениях не была тягостной для фессалийцев.

Несмотря на утверждение в Македонии династии Антигонидов, все македонские цари вплоть до Филиппа V продолжали занимать должность тага Фессалийской лиги [1, с. 318], но в III в. до н.э. македонские цари полностью Фессалию не контролировали. Этолийский союз, расширяя свои границы, захватил некоторые территории в Фессалии. В частности, Гераклея Трахинейская, стоявшая на левом берегу реки Сперхея близ ее впадения в Малийский залив и в 7 км от Фермопил, с 280 г. до н.э. вошла в Этолийский союз и служила местом его

собраний (Liv. XXVIII. 5. 13). К 220 г. до н.э. под властью этолийцев были и Фивы Фтиотийские – древний город близ Пагасейского залива, но в 217 г. до н.э. Филипп V захватил его, горожан продал в рабство, а в городе поселил македонян и переименовал его в Филиппополь (Polyb. IX. 10. 8). Столь суровое обращение, скорее всего, было вызвано их изменой и переходом на сторону Этолийского союза [5, p. 386]. Во многих крепостях Фессалии, видимо, стояли македонские гарнизоны. Ливий, например, упоминает Фалорию (XXXII. 15. 1), Атрак (XXXII. 17. 7), вероятно, Эгиний (XXXII. 15. 4). Как известно, еще задолго до битвы при Киноскефалах Тит Квинкий Фламинин на переговорах с македонским царем потребовал прежде всего освобождения фессалийских городов от македонской власти (Liv. XXXII. 10. 7), царь же посчитал это требование слишком жестким и прервал переговоры. Приведенные примеры действительно свидетельствуют о том, что Македония не намеревалась отказываться от притязаний на фессалийские земли.

Однако нельзя игнорировать и другие факты. На синоде в Эгии осенью 224 г. македонский царь Антигон Досон стал главой новой Эллинской лиги (Polyb. II. 54. 4), впоследствии гегемоном союза стал его преемник Филипп V. Примечательно то, что союз был заключен не под давлением Досона, царь не присваивал себе гегемонии, инициатива альянса исходила от стратега Ахейского союза Арата, который не видел другого, кроме договора с Македонией, выхода из катастрофического положения своего государства, сложившегося в годы Клеоменовой войны [6, с. 108–109]. Досон воспользовался приглашением, но, как считают некоторые исследователи [7, p. 152; 8, с. 27], сам не проявлял инициативы расширения македонской власти в Греции. Нельзя говорить, что Антигон ясно представлял в 224 г., как далеко он продвинется в деле восстановления македонского контроля и какую степень контроля стоило вводить. Напротив, Македония вошла в объединение как союзная держава. Зависимые от нее государства и союзники Ахейской федерации, вероятнее всего, должны были присутствовать в Эгии и присоединиться к новому союзу.

Полибий (IX. 38. 5) упоминает в числе союзников и фессалийцев, которые, по мнению некоторых исследователей, занимали в лиге «особое» положение, являясь подданными Антигона Досона на основе личной унии [9, p. 151; 10, s. 216; 11, p. 182; 5, p. 351]. Несмотря на то что Фессалия находилась под контролем Македонии, она, вероятно, посылала своих представи-

телей в синедрион. Пожалуй, её положение можно сравнить с позицией самих македонян, если принять версию о том, что даже македонцы, как остальные члены союза, посылали своих представителей в совет [12, p. 751; 13, p. 4–5, 264; 5, p. 351–352; 14, p. 382], то есть были представлены в лиге отдельно от царя. Вероятно, в таком случае для македонского царя было предпочтительнее, чтобы в синедрионе фессалийцы выступали самостоятельно. С одной стороны, это не давало повода союзникам обвинить македонского царя в отходе от демократических принципов, соблюдение которых он демонстрировал [15, s. 241], а с другой стороны, в синедрионе увеличивалось количество его сторонников [1, с. 321]. В целом, если принять версию о реальном участии фессалийцев в лиге, можно говорить об отходе македонян от старых принципов управления Фессалией. В пользу этой точки зрения говорят перемены в самом македонском государстве, косвенно засвидетельствованные в источниках.

Вероятно, допустимо предположение, что изменение статуса фессалийцев сложилось после смерти македонского царя Деметрия II. Трон занял его двоюродный брат Антигон Досон, который сразу столкнулся с рядом проблем – защитой страны от племени дарданов (Just. 28. 3. 14; Plut. Arat. 34. 7), мятежом в армии (Just. 28. 3. 10 sqq) и восстанием в Фессалии (Just. 28. 3. 14). Можно провести параллель с ситуацией в Греции после смерти Филиппа II. Тогда началось всеобщее волнение, и Александру Македонскому пришлось отправиться в дипломатический вояж по греческим городам; после этого фессалийцы провозгласили его вождем своего союза [3, с. 200]. Досон был в более сложном положении: за годы так называемой Деметриевой войны (239–229 гг. до н.э.) Македония потеряла возможность контроля и вмешательства в дела греческих государств [16, с. 199–202; 17, p. 311–313; 12, p. 744–746]. Вполне вероятно, что антимакедонское восстание 229 г. до н.э. в Фессалии было следствием ослабления Македонии.

Подавление восстания должно было привести, с одной стороны, к усилению македонского присутствия в городах, а с другой стороны, к реорганизации власти над фессалийцами. Македонский престиж стал настолько незначительным, что о доминирующей роли Македонии в греческом мире больше не вспоминали. Учитывая усиление Этолийского союза, игравшего в конце III в. до н.э. одну из ведущих ролей в мировой политике и расширившего границы федерации до таких пределов, которых этот со-

юз не знал ни до, ни после 229 г. до н.э. [18, с. 36], македонские правители смогли преодолеть кризис власти путем реформ. Возможно, даже сама Македония, испытав влияние федеративных идей, превратилась в «союз македонян» – объединение, напоминающее греческий *κοινόν*. На такое объединение намекает надпись на статуе Филиппа V на Делосе (Syll.³ 575), а также посвящения македонян в Делосе и Самофракии [19]. Преобразования должны были коснуться и Фессалии.

Взаимоотношения Лариссы, как одного из основных городов Фессалии, с македонскими царями также свидетельствуют о более сложных внутренних связях между сторонами в этот период, чем отношение «контроль – подчинение». Полибий, освещая события конца III в. до н.э., всего несколько раз упоминает данный город, однако даже эти незначительные свидетельства говорят об особом отношении македонского царя к этому полису. Филипп, вероятно, имел здесь ставку, так как несколько раз останавливался в городе во время военных походов (Polyb. IV. 66. 7; 67. 6; V. 97. 4; IX. 18. 6), здесь, видимо, находился царский арсенал (Polyb. V. 99. 1) и царский архив (Polyb. XVIII. 33. 2). Ливий также упоминает город как место сбора македонского войска (XXVIII. 5. 2; 5. 12). Примечательно, что источники не сообщают о базировании в Лариссе македонского гарнизона, хотя в соседнем Атраке, расположенном всего в 10 милях от Лариссы, располагались македонские солдаты. Тит Ливий приводит описание осады Атрака римлянами в ходе второй римско-македонской войны, когда «соревнование двух боевых выучек, двух видов вооружения было явно не в пользу римлян» (XXXII. 17. 4–18. 3).

Самым интересным источником этого периода является декрет Лариссы в ответ на два письма Филиппа V, отправленных в 219 и 214 гг. до н.э. (Syll.³ 543). Поскольку этот эпиграфический материал обычно трактуется как свидетельство того, что македонские цари управляли фессалийцами как и самими македонянами (см., например, Polyb. IV. 76. 1–2; ср. Liv. XXXII. 10. 7), то представляется необходимым привести здесь перевод этой надписи.

«I Когда тагами были Анагкипп, сын Феттала, Аристон, сын Эвнома, Эпиген, сын Ясона, Эвдик, сын Адаманта, Алексий, сын Клеарха, а гимнасиархом был Алев, сын Дамосфена, царь Филипп отправил письмо тагам и городу, записанное ниже:

II “Царь Филипп приветствует тагов Лариссы и город. Петрея, Анагкипп и Аристон, при-

быв в качестве послов, объявили мне, что ваш город из-за войн нуждается в большом количестве жителей; пока мы будем думать о других людях, достойных вашего государства, в силу сложившихся обстоятельств я считаю, что вы должны принять декрет, чтобы предоставить права гражданства фессалийцам и другим грекам, проживающим возле вас. Когда это будет исполнено, и все население будет держаться сплоченно благодаря наилучшим отношениям, то я верю, что много других выгод будет и мне, и городу, а земля будет лучше возделана. Год второй, месяц гиперберетай, 21”.

III Граждане вынесли решение, записанное ниже. На 26 день месяца панема собрался синклит, возглавляемый всеми тагами, так как царь Филипп отправил письмо тагам и городу, потому что Петрея, Анагкипп и Аристон, которые прибыли в составе посольства, объявили ему, что наш полис из-за войн нуждается в большом количестве жителей. Пока он думает о других людях, достойных нашего государства, в сложившихся обстоятельствах он считает, что нам следует принять декрет о том, чтобы дать гражданские права живущим возле нас фессалийцам и другим эллинам. Когда это свершится и все население окажется сплоченным благодаря пользе, по его мнению, и многие другие выгоды от этого извлечет и он, и город, а земли будут лучше возделаны. Город принял решение поступить в этих делах так, как царь написал, и предоставить гражданские права живущим возле нас фессалийцам и другим грекам – и им, и их потомкам; и даровать такие же привилегии как и лариссянам тем, кто вступил в филы, в какие пожелают. Декрет должен иметь силу на все времена, а казначеи должны записать его на двух каменных стелах и имена тех, кто получил права гражданства; и поставить одну в храме Аполлона Кердея, другую – на акрополе; и обеспечить расходы, какие бы ни случились.

IV Позднее, когда тагами были Аристон, сын Эвнома, Эвдик, сын Адаманта, Алексипп, сын Гипполоха, Эпиген, сын Ясона, Нумений, сын Мнасия, а гимнасиархом был Тимонид, сын Тимонида, царь Филипп отправил другое письмо тагам и городу, записанное ниже: “Царь Филипп тагов Лариссы и город приветствует. Я узнал, что имена людей, наделенных гражданскими правами в соответствии с моим письмом и вашим декретом и записанные на стеле, стерты. Если это произошло в самом деле, то вы сговорились игнорировать и интересы родины, и мое решение. Потому что лучше всего, когда в делах государства участвует как можно больше людей, тогда город является сильным, а зем-

ля не останется позорно невозделанной, как в настоящее время. Я считаю, что ни один из вас не отрицал бы того, что можно наблюдать у других (народов), которые предоставляют подобным образом права гражданства; и среди них – римляне, которые, отпуская рабов на свободу, принимают их в число граждан и допускают к должностям, и таким образом они не только увеличивают население своей родины, но и отослали колонии почти в 70 мест. Впрочем, я и теперь призываю вас подойти к делу беспристрастно и восстановить в гражданских правах тех, кто был выбран (ранее) гражданами. Если же некоторые (из них) совершили какое-нибудь преступление против царской власти или города, или по какой-то другой причине недостойны, (чтобы их перечислили) на этой стеле, то решение о них следует отложить, пока я не освобожусь от похода, чтобы выслушать (дела). Но доведите до сведения тех, кто намеревается обвинять их, чтобы не оказалось, что они поступали так из чувства превосходства. Год седьмой, месяц гарпей, 13⁷».

V Граждане вынесли решение, записанное ниже. В последнюю декаду месяца Темистия, когда Алексипп осуществлял наблюдение за собранием, посвященному священным делам, город принял декрет, что (имена) всех тех, кого вписали в число граждан, таги должны записать на левкоме и выставить на всеобщее обозрение; они должны записать на двух каменных стелах имена тех, кому были предоставлены права гражданства в соответствии с письмом царя, вместе с ними – два письма царя и декреты: того, что был ранее, и того, что принят сегодня; и поставят одну (стелу) в храме Аполлона Кердея, другую – на акрополе в храме Афины; расходы на них казначеи обеспечат из общих доходов; этот декрет будет сохранять силу навечно. В соответствии с письмами царя и декретами города гражданство предоставляется (следует список имен, не полностью сохранившийся, который включает 1 из Самофракии, 142 из Краннона и более 60 из Гортины)».

В этом документе обращают на себя внимание несколько моментов. Прежде всего следует остановиться на датировке первого письма Филиппа. В надписи указан второй год его правления и месяц гиперберетай, что соответствует примерно сентябрю-октябрю 219 г. до н.э. [20, с. 16–17]. Полученные данные согласуются с текстом четвертой книги «Всеобщей истории». Полибий, в частности, отмечает, что после первого сезона Союзнической войны (219 г. до н.э.) Филипп V вернулся в Пеллу, «распустил всех македонян для уборки жатвы, а сам отправился в

Фессалию и остальную часть лета провел в Лариссе» (Polyb. IV. 66. 7). Следующую военную кампанию македонский царь начал зимой, при этом Полибий указывает, что в поход царь выступил из Лариссы (Polyb. IV. 67. 6). Поскольку Филипп вел с собой не все македонское войско (Ibid.), допустимо предположение, что с конца лета до начала зимнего похода царь так и находился в фессалийском городе. В силу этого обстоятельства, не вполне ясно о каких военных действиях, приведших к уменьшению числа граждан, упоминается в декрете. Вероятно, речь идет не о правлении Филиппа, который в 219 г. провел свою первую, весьма осторожную кампанию; видимо, имелись в виду походы предыдущих македонских царей Антигона Досона и Деметрия II. Кроме того, возможно, лариссяне могли понести потери во время восстания, которое произошло в Фессалии в самом начале правления Антигона Досона, независимо от того, на чьей стороне они выступили (Just. 28. 3. 14).

Следует обратить внимание и на упоминание в декрете того факта, что Петрея, Анакипп и Аристон прибыли к царю в качестве послов, а Филипп, в свою очередь, направляет письмо, адресованное жителям города. Эллинистические цари обычно осуществляли власть двумя путями: либо через традиционно формируемый в городах аппарат должностных лиц, либо с помощью методов неприкрытого давления царской власти на полис – размещения гарнизонов, назначения царских чиновников, направления распоряжений монарха [21, с. 268–269]. Подобное демонстративное подчеркивание независимого положения Лариссы, конечно, можно трактовать как внешнее соблюдение приличий, не отражающее реального положения вещей. Система почестей и благодеяний была не игрой, а скорее вежливой формой отношений между царем и городами [22, р. 78]. Тем более что и в других эллинистических государствах зафиксированы подобные любезности между правителями и населением отдельных полисов, хотя и там свобода городов основывалась на милости властителя, ее следовало заслужить [23, с. 127]. Но собственно македонские города находились в ином положении; различие между статусом фессалийских и македонских городов все же существовало [24, р. 428].

Следующий момент, который можно отметить, касается пересказа предложений Филиппа в тексте декрета. Фактически использованы одни и те же формулировки. Но важнее другое – царь, в сущности, предлагает городу проект декрета, отмечая, что, приняв его, пользу извлекут и жители, и сам царь, при этом особо подчерки-

валось, что земля будет лучше возделана. Как было указано выше, город располагался на плодородной равнине, поэтому получение высоких урожаев и пополнение рядов граждан находились в прямой зависимости друг от друга. Допустимо предположение, что забота Филиппа об экономическом благополучии населения диктовалась и практической целью: в условиях военного времени Филипп мог позволить себе жить в этом городе по несколько месяцев, вероятно, со свитой, телохранителями и какой-то частью армии, что требовало значительных запасов продовольствия. Возможно, часть зерна должна была направляться в царскую ставку. Поэтому македонский правитель был искренне заинтересован в пополнении гражданского населения этого города.

Второе письмо было направлено пять лет спустя в месяце гарпее, то есть примерно в августе-сентябре 214 г. до н.э. Кроме того, в тексте письма говорится, что царь в это время находился в походе. Ливий сообщает об осаде Аполлонии летом 214 г. до н.э. (XXIV. 40). Филипп отправил 120 лемб (Liv. XXIV. 40. 2), а сам вел армию через Эпир. Примечательно, что греческие союзники македонского царя едва ли приняли участие в этом походе. Филипп обращался к Арату с предложением присоединиться к нему, однако получил отказ (Plut. Arat. 51). Плутарх указывает в качестве причины разногласия между двумя лидерами союза, проявившиеся во время переворота в Мессении (Plut. Arat. 49). Штурм Аполлонии не увенчался успехом, укрепления полиса были довольно мощными. Стоит вспомнить, что в III в. до н.э. подобные города обычно захватывали с помощью измены, хитрости или голода. Удачу мог принести и фактор внезапности. Однако в случае с Аполлонией ни один из указанных выше методов захвата не сработал. Тогда царь ночью напал на Орик и захватил его гавань. Новости о событиях на Иллирийском побережье достигли римского флота. Корабли под командованием Валерия Левина отбили Орик, затем римляне подошли к Аполлонии. Вместе с ее жителями они напали на македонян. Согласно Титу Ливию, Филипп был вынужден сжечь остатки своего флота и направиться в Македонию по суше (XXIV. 40. 17). Поскольку в распоряжении римского командующего сухопутных сил не было, то преследование македонян по суше оказалось невозможным. Таким образом, второе письмо, вероятно, было написано в конце этого похода или даже по возвращении в Македонию.

Как указывалось выше, рекомендация Филиппа была направлена на решение вопроса не-

достатка населения в городе. Другого варианта решения проблемы в то время не существовало. Естественно, что не всем понравился предложенный вариант, это, скорее всего, и привело к исключению новых граждан из списков. Можно предположить, что в городе существовала антимакедонская партия, по инициативе которой и было принято это решение. Однако обращает на себя внимание тот факт, что новые граждане были вычеркнуты из надписи по прошествии пяти лет, то есть, вероятно, когда население узнало о неудаче царя под Аполлонией. Возможно, противники Македонии посчитали момент благоприятным: македонское влияние на Грецию стало слабеть, ведь к 214 г. до н.э. международная ситуация уже была иной, она сложилась не в пользу Македонии, кроме того, обострились отношения Филиппа с союзниками по Эллинской лиге.

Любопытен и стиль обращения царя во втором письме: оно скорее увещательное по характеру, чем угрожающее. Филипп призывает к здравому смыслу горожан, при этом примечательно то, что он приводит в пример не греков, а римлян, хотя македонский царь вполне мог упомянуть о Мегалополе. Полибий сообщает (V. 93) о всеобщем недовольстве в этом городе в конце Союзнической войны (217 г. до н.э.) ввиду нехватки средств, малочисленности населения и требований к богатым уступить третью часть своих земель для наделения новых поселенцев. Арат как стратег Ахейского союза был вынужден тогда вмешаться и умиротворять население.

Заявление Филиппа, что рабы в Риме, отпущенные на свободу, могли занимать государственные должности, а также упоминание о 70 колониях, можно трактовать как незнание царем подлинного состояния дел в римском государстве, тем не менее, допустимо и другое объяснение: здесь имело место намеренное искажение фактов. С одной стороны, в последние годы греки стали более пристально наблюдать за событиями на западе. О поднимающихся с запада тучах (τὰ προφαίνόμενα ἰὼν ἀπὸ τῆς ἐσπέρας νέφη), которые надвинулись на Элладу, говорил еще в 217 г. до н.э. на переговорах о мире навпактиец Агелай, хотя подлинность этой речи оспаривается [25–26]. Такие же мотивы звучат в речи акарнанца Ликиска в 210 г. до н.э. (Polyb. IX. 37–39), родосца Фрасикрата, выступающего в этолийском собрании в 207 г. до н.э. с целью склонить их к миру с Филиппом (Polyb. XI. 4–6), македонских послов в Этолийский союз в 199 г. до н.э. (Liv. XXXI. 29. 12. sqq.). Вероятно, следует рассматривать эти речи не как риторические упраж-

нения ахейского историка и не как их подлинный пересказ, а как политический анализ римско-греческих отношений [27, р. 296]. В 215 г. до н.э. Филипп заключил союз с Ганнибалом (Liv. XXIII. 33. 10–12; Polyb. VII. 9. 1–17), естественно, не сознавая, к каким последствиям приведет этот альянс.

С другой стороны, примечательно то, что царь в своих отношениях с союзниками не пользовался лозунгом единения греков для борьбы с варварами-римлянами. Поэтому ссылку на римский пример можно трактовать как последний довод, к которому царь прибегает от собственного бессилия справиться с проблемами мирным путем: если даже варвары предпринимают разумные шаги, ставя необходимость выше желаний, интересы государства выше честолюбивых амбиций граждан, то греки, презиравшие варваров с давних времен, должны устыдиться сложившихся обстоятельств, когда сами поступают гораздо неразумнее варваров.

Таким образом, можно утверждать, что взаимоотношения Лариссы и македонского царя были сложными. Едва ли правомерно говорить о том, что подчинение этого фессалийского полиса напоминало положение городов в Македонии. Самостоятельные действия лариссян и увещания царя вместо открытого давления или прямого вмешательства свидетельствуют об отказе македонян от грубых методов управления в пользу союзных отношений, которые удерживали Филиппа от необдуманных шагов. При этом фессалийцы осознавали наступившие перемены, поэтому, полагая, что после разгрома под Аполлонией царь будет недостаточно силен и в военном, и в политическом аспекте, чтобы ссориться с соседями-союзниками, посчитали возможным поступить по собственному усмотрению, хотя и вразрез со здравым смыслом. Лишь поняв, что Македония по-прежнему сильна, они решили проявить лояльность и принять предложение царя.

Стоит вспомнить, что Ларисса была тесно связана с Македонией, царь бывал здесь гораздо чаще, чем в других фессалийских полисах; расположение здесь царской ставки усиливало контроль македонян за этим городом. Несмотря на это, как свидетельствует надпись, жители свободно принимали решения, шедшие наперекор пожеланиям македонского царя. Закономерен вопрос, как поступил бы Филипп, если бы речь шла о другом фессалийском городе. Вероятно, все зависело бы от конкретных обстоятельств. Пример расправы с Фтиотийскими Фивами весьма показателен – царь мог простить многое, но не измену. Вероятно, желая обезопасить

свои позиции, македонские цари полагались на гарнизоны, стоявшие в городах. Впрочем, к прямому контролю предпоследний македонский царь не мог перейти, поскольку Филипп был связан союзным договором 224 г. до н.э., поэтому царь должен был полагаться на дипломатию и силу своего слова – заверения и угрозы. Изменения в его политике произойдут позднее лишь под влиянием внешнего фактора; в условиях военного времени Филипп разорял фессалийские земли, как и его противники, так что было не ясно, где враги, а где союзники (Liv. XXXII. 14. 4).

Таким образом, до вмешательства римлян зависимость фессалийских городов от Македонии сохранялась в разных формах, которые были обусловлены стратегической значимостью города, его лояльностью и исторически сложившимися связями. Но фактом является и то, что в конце III в. до н.э. в мирное время македонский правитель не решался грубо проявлять свою власть даже в тех полисах, которые находились под пристальным вниманием македонян, как это было в случае с Лариссой.

Список литературы

1. Graninger D. Macedonia and Thessaly // A companion to ancient Macedonia. Ed. by J. Roisman and I. Worthington. Blackwell Publishing, 2010. P. 306–326.
2. Фор П. Александр Македонский. Пер. с фр. И.И. Маханькова. М.: Молодая гвардия, 2001. 445 с.
3. Фролов Э.Д. Панэллинизм в политике IV века до н. э. // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 2. М.: Наука, 1983. С. 157–207.
4. Huerta F.Jr. The cities of Philip and Alexander: early macedonian colonization. California State University, Fresno, 1996. x, 99 p.
5. Hammond N.G., Walbank F.W. A history of Macedonia. Vol. 3. Oxford: Clarendon Press, 1988. 627 p.
6. Сизов С.К. Ахейский союз. М.: Прометей, 1989. 172 с.
7. Briscoe J. The Antigonids and the Greek states, 276–196 B.C. // Imperialism in the Ancient World. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 145–157.
8. Жигунин В.Д. Международная политика эллинистических государств (280–220 гг. до н.э.): Автореферат дис. ... д-ра. ист. наук. М., 1989. 32 с.
9. Fine J. The Background of the Social War of 220–217 B.C. // AJPh. 1940. Vol. 61. P. 129–165.
10. Die Staatsverträge des Altertums, III: Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 338 bis 200 v. Chr / Hrsg. von H. H. Schmitt. München, 1969. III. 507.
11. Errington R.M. A history of Macedonia. Berkeley – Los Angeles – Oxford: University of California Press, 1990. x, 320 p.
12. Tarn W.W. The Greek Leagues and Macedonia // САН. 1928. Vol. 7. P. 732–768.

13. Walbank F. W. Philip V of Macedon. 2-nd ed. Cambridge: Archon Books, 1967. xii, 387 p.
14. Hammond N.G. The Macedonian State. Origins, institutions and history. Oxford: Clarendon Press, 1989. 402 p.
15. Heuss A. Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren Staats- und volkerrechtlichen Beziehungen. Leipzig: Dieterich, 1937. xi, 273 s.
16. Дройзен И. История эллинизма. Т. 3. СПб.: Наука, 2002. 528 с.
17. Will E. Histoire politique du monde hellénistique. 2-eme. ed. T.I. Nancy: Presses universitaires de Nancy, 1979.
18. Сизов С.К. Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз. Н. Новгород: ННГУ, 1990. 80 с.
19. Hatzopoulos M.B. Macedonian Institutions under the Kings. Vol. 2: epigraphic appendix. ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ 22. Athens, 1996. 154 p. App. № 33–34.
20. Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. Пер. И.М. Стеблин-Каменского. М.: Наука, 1975. 336 с.
21. Климов О.Ю. Пергамское царство: проблемы политической истории и государственного устройства. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, Нестор-История, 2010. 400 с.
22. Billows R.A Kings and colonists: aspects of Macedonian imperialism. Leiden, NY, Köln: Brill, 1994. xv, 237 p.
23. Бикерман Э. Государство Селевкидов. Пер. с фр. Л.М. Глускиной. М.: Наука, 1985. 264 с.
24. O’Neil J. Royal Authority and City Law under Alexander and His Hellenistic Successors // The Classical Quarterly. New Series. 2000. Vol. 50. 2. P. 424–431.
25. Mørkholm O. The Speech of Agelaus at Naupactus 217 B.C. // Classica et Mediaevalia. 1967 (ersch. 1970). Vol. 28. P. 240–253.
26. Mørkholm O. The Speech of Agelaus again // Chiron. 1974. Vol. 4. P. 127–132.
27. Eckstein A.M. Greek Mediation in the First Macedonian War, 209–205 B.C. // Historia. 2002. Bd. 50. Hft. 3. P. 268–297.

**LARISSA AND PHILLIP V: TO THE QUESTION OF THE MACEDONIAN CONTROL
OVER THESSALY AT THE END OF THE THIRD CENTURY B.C.**

N.Yu. Sivkina

The article analyses the relations between the Thessalian polis Larissa and the Macedonian king at the end of the third century B.C. By commenting on two letters of the king and the decree issued by the city, and also by comparing this epigraphical material with literary sources, the author concludes that the dependence of Thessalian cities on Macedonia was preserved in different forms, but the international situation at that time and the treaty of Hellenic league of 224 B.C. limited the king’s power over Thessalian cities.

Keywords: Hellenism, Phillip V of Macedon, Thessaly, Larissa, Hellenic league, Antigonos Doseon.